

Глядя на всё ещё чужую обстановку, Цзянь Фэй невольно вздохнул и с разочарованием опустил руку, которой собирался приподнять край фаты.

Весь путь он молча просидел в седле, за спиной Хэн Ло, главы семьи Хэн. Хотя он не проронил ни слова и не высказал никакого мнения, Хэн Лэй, который каждую минуту был предельно внимателен к своему «Укротителю демонов», по едва заметным движениям чувствовал недовольство Цзянь Фэя. Хэн Лэй не до конца понимал, чем именно вызвано это недовольство, но, руководствуясь непреложным принципом — раз уж взял человека в дом, будь добр нести за него ответственность до конца жизни, — он, когда семья остановилась на привал, просто обхватил Цзянь Фэя за талию и, невзирая на его испуганный вскрик, снял с лошади.

— Ты что творишь? — Цзянь Фэй, сбитый с толку внезапными действиями Хэн Лэя, растерялся и, оказавшись на земле, молча оттолкнул его.

Хэн Юньчжан, заметивший происходящее, тут же направился к ним, опасаясь, как бы этот «Укротитель демонов», чьи помыслы пока были неясны, не причинил вреда Хэн Лэю. Хэн Лэй, поняв, о чем беспокоится его давний соратник, лишь покачал головой, показывая, что всё в порядке. Увидев, что Укротитель и в самом деле не проявляет агрессии, а лишь спокойно стоит напротив Хэн Лэя, Хэн Юньчжан успокоился и вернулся к своему другу Цю Жу, чтобы помочь с вещами.

Цзянь Фэй, не понимая, чего добивается этот властный и напористый Хэн Лэй, недовольно сверкал глазами под фатой, наблюдая сквозь полупрозрачную ткань за тем, как мужчина мнетя, не зная, с чего начать разговор.

— Если тебе нечего сказать, я пойду отдохну, — бросил Цзянь Фэй.

Прождав довольно долго и так и не дождавшись объяснений, он решил не ломать голову над тем, что на уме у этого человека. Развернувшись, он приподнял край фаты и, сердясь на самого себя, уселся в укромном уголке.

В семье Хэн царила строгая иерархия. Те, кто сидел рядом с Хэн Ло, были старейшинами рода. Даже Хэн Юньчжан и Хэн Чаннань, прошедшие с Хэн Ло и Хэн Лэем через огонь и воду, не могли просто так присоединиться к кругу главы семьи и старших. Цзянь Фэй, совершенно не знавший правил этого мира и не стремившийся набиваться в друзья к людям, которые видели в нем лишь марионетку, держался особняком. Хэн Лэй, видя, что Цзянь Фэй демонстративно отвернулся, явно показывая свое нежелание общаться, решил еще пристальнее следить за своим Укротителем. Он даже не подозревал, что из-за простого каприза Цзянь Фэя он стал следить за ним, как за опасным преступником.

Цзянь Фэй пока не чувствовал сильного голода или жажды. За все дни пути он почти не пил воды. Конечно, отчасти это было упрямство... Но живой человек, по крайней мере в своих мыслях не считающий себя столетним трупом, не мог долго терпеть голод и бессонницу. Он злился на Хэн Лэя, нелепо перекладывая на него вину за свое нынешнее плачевное положение. Хотя, по правде говоря, если бы Хэн Лэй не вытащил его из гроба, Цзянь Фэй не

оказался бы в этой неловкой ситуации. Но в мире, охваченном хаосом, каждый боролся за выживание своих близких — разве можно было винить Хэн Лэя за это?

Тем не менее, оказавшись в одиночестве посреди этого безумного мира, будучи связанным кандалами непонятного контракта с незнакомцами, даже самый терпеливый человек не удержался бы от негодования. А Цзянь Фэй был обычным человеком. Поэтому, дуясь на всех и демонстративно отвернувшись, он слушал, как члены семьи Хэн обсуждают планы строительства базы. Ему было невыносимо чувствовать себя изгоем, а теперь, будучи «Укротителем демонов», которого все боялись и почитали, он оказался в еще более неловком положении. Казалось, было бы лучше вовсе не просыпаться.

Цзянь Фэй украдкой поглядывал на то, как Хэн Ло и остальные едят и пьют. Несмотря на обиду, вид пьющих людей вызвал у него жажду, и он невольно засмотрелся на толпу. Когда напряжение, державшее его в узде всё это время, немного спало, он заметил, что, хотя в пути все постоянно разглядывали его, на привале, кроме Хэн Лэя, никто не обращал на него внимания. Все были уверены, что под присмотром такого сильного бойца, как Хэн Лэй, он никуда не денется.

Заметив, как Цзянь Фэй, сидя в стороне, тербит край фаты, Хэн Лэй подошел к нему.

— Выпей воды. До центра горы Фэнмо еще далеко.

Цзянь Фэй взглянул на протянутый бурдюк, помедлил, а затем неохотно взял его. Но прежде чем он успел поднести его к губам, руки Хэн Лэя потянулись к его лицу. Испугавшись чрезмерной настойчивости мужчины, Цзянь Фэй инстинктивно отпрянул, но Хэн Лэй не собирался его касаться — он лишь аккуратно откинул фату и заправил длинную вуаль ему за спину. Лицо Цзянь Фэя, с его мягкими чертами, вновь предстало перед Хэн Лэем.

Неизвестно, удивил ли Цзянь Фэя этот жест или он просто окончательно привык к тому, что Хэн Лэй любит делать из мухи слона, но он поднес бурдюк к губам. Чистая, прохладная вода освежила его. Сначала он пил осторожно, но под пристальным взглядом Хэн Лэя вошел во вкус и выпил всё до последней капли. Хэн Лэй не рассердился; наоборот, когда он забирал пустой бурдюк, чтобы прикрепить его к поясу, Цзянь Фэй внезапно вспомнил, что сам Хэн Лэй за весь день не сделал ни глотка, и густо покраснел.

Хотя еще минуту назад он был всем недоволен, сейчас, чувствуя неловкость, он не знал, что сказать. Хэн Лэй, увидев выражение лица Цзянь Фэя, решил, что тот снова чем-то расстроен. Не в силах понять причину, он огляделся, увидел, что Хэн Ло и остальные едят сушеное мясо и рисовые лепешки, и, не дожидаясь возражений, направился к Цю Жу, отвечавшей за продовольствие.

— Ох, совсем голова дырявая. Совсем забыла, кому не выдала порцию. Вот твоя доля, второй брат, держи.

Из-за изнурительного пути все привыкли сами подходить к Цю Жу за едой, и Хэн Лэй, вечно

занятый охраной Укротителя, постоянно пропускал раздачу. Раньше об этом заботились Хэн Шан и Юньчжан, но теперь, когда они добрались до холмистой местности, все расслабились и потеряли бдительность. Цю Жу, почувствовав вину, смотрела, как Хэн Лэй, ничуть не обидевшись, забирает свою порцию и возвращается к «свирепому демону». Но вместо того чтобы начать есть самому, он протянул сверток с мясом и лепешками Цзянь Фэю.

И Цзянь Фэй, и наблюдающая издалека Цю Жу застыли в недоумении. Цзянь Фэй не понимал, зачем ему отдают еду, а Цю Жу была поражена тем, что столетний демон вообще ест, и тем, что её второй брат отдал свою порцию существу, которое они считали монстром.

— Ты... не будешь есть? — вопрос о том, зачем он отдает еду, превратился в проявление заботы.

Хэн Лэй посмотрел в ясные, мягкие глаза Цзянь Фэя, на мгновение замер, а затем вытащил из свертка кусочек мяса и молча отправил в рот. Цзянь Фэй, наблюдая за ним, не спешил приступить к своей порции. Лишь когда Хэн Лэй доел, он повернулся и сказал:

— Поел. Ешь.

Услышав этот спокойный тон, Цзянь Фэй не знал, как реагировать. Он опустил голову и потянулся к мясу и лепешкам. Когда жесткое, сухое мясо коснулось его языка, вкус оказался настолько странным и неприятным, что лицо Цзянь Фэя невольно исказилось.

Из-за нехватки продовольствия он не мог позволить себе разбрасываться едой, даже если она была ему не особо нужна. К тому же, он вырос в бедной крестьянской семье, и хотя мясо было отвратительным, это не вызывало у него рвотных позывов. Хэн Лэй, видя, как тяжело Цзянь Фэю дается еда, спросил:

— Невкусно?

Цзянь Фэй поднял лицо и энергично закивал. Хэн Лэй нахмурился. Неизвестно, был ли вкус Укротителя демонов более чувствительным или он был просто привередлив, но для семьи Хэн в этом мясе почти не было вкуса — только соль и специи. Видя реакцию Цзянь Фэя, Хэн Лэй, заботясь о его вкусовых рецепторах, забрал остатки мяса, оставив ему лишь кусочек рисовой лепешки.

Цзянь Фэй осторожно откусил — лепешка оказалась хрустящей и куда более приятной на вкус, чем мясо. Его лицо заметно просветлело. Хэн Лэй, увидев это, наконец повернулся и принялся за свою порцию мяса, запивая её водой, которую только что наполнил у Цю Жу.

После небольшого отдыха они двинулись дальше и глубокой ночью достигли центра горы Фэнмо. Вокруг высились зеленые пики, а в лунном свете журчали ручьи и водопады. Здесь было тихо и красиво, совсем не так, как в начале пути. В любом горном хребте есть места, где смертельная опасность соседствует с невероятной красотой. Члены семьи Хэн, уставшие от тягот пути, не могли скрыть радости. Даже Хэн Ло, вечно хмурая, улыбнулась, глядя на это

благодатное место. Что уж говорить о Цзянь Фэе, который был поражен не меньше остальных.

— Никогда бы не подумал, что в горах Фэнмо есть такое прекрасное место, — Хэн Шан сбросил мешок и направился к воде.

— Хэн Шан, не отходи далеко. Это всё-таки горы Фэнмо, — предостерегла его Хэн Ло.

Хэн Шан лишь отмахнулся:

— Сестра, мы наконец добрались! Теперь, когда с нами Укротитель, нам нечего бояться! Будем жить здесь, забудем о монстрах и не будем зависеть от баз... О такой жизни можно только мечтать!

Его голос эхом разносился по долине. Несмотря на всю привлекательность этого места, все понимали: если бы не Цзянь Фэй, они бы не дошли сюда живыми. Хэн Ло снова нахмурилась, приказывая брату не заходить слишком далеко. Но прежде чем остальные успели среагировать, Хэн Шан, бежавший к холму, внезапно замер.

Все замолчали, глядя на силуэт Хэн Шана в лунном свете. Он стоял неподвижно, а затем, с выражением ужаса на лице, обернулся к остальным. Не успели они броситься ему на помощь, как из-под его ног с невероятной скоростью вырвалась огромная пасть. В тишине долины раздался пронзительный визг, и монстр, чьи очертания невозможно было разобрать в темноте, проглотил Хэн Шана.

Пока остальные были в шоке, Хэн Лэй, подобно божеству, взмыл в воздух и обрушился на пятиметрового монстра. В лунном сиянии, с длинным мечом в руках, он бросился в атаку. Цзянь Фэй впервые видел Хэн Лэя в бою: каждое его движение было точным и решительным. В какой-то момент Хэн Лэй, рискуя жизнью, буквально разорвал пасть чудовища, выхватил оттуда полуживого от страха Хэн Шана и бросил его к остальным, а сам продолжил схватку.

Цзянь Фэй, сжимая кулаки, наконец разглядел, с чем они столкнулись — это была мутировавшая лягушка-бык невероятных размеров. Если бы не понимание того, что в этом мире возможно всё, он был бы в ужасе.

— Хэн Шан! Брат! — Хэн Ло и остальные бросились к спасенному, забыв обо всем на свете.

Цзянь Фэй лишь мельком взглянул на них и снова перевел взгляд на Хэн Лэя. Через несколько мгновений монстр рухнул на землю, испуская дух.

— Мертв? — Цзянь Фэй подошел ближе, когда остальные еще не пришли в себя.

— Еще нет... но скоро, — ответил Хэн Лэй, наступая на тело чудовища и вонзая меч в его центральную нервную систему.

Монстр дернулся и затих. Хэн Лэй тяжело дышал. Цзянь Фэй подошел к нему, увидел его бледное лицо и капли пота на лбу, понимая, что тот истощен. Хотя он впервые видел, как Хэн Лэй сражается на пределе сил, за последние дни он понял: во всех опасных ситуациях Хэн Лэй всегда принимал удар на себя. Семья привыкла к этому, и даже сам Цзянь Фэй начал привыкать к этому сильному и острому, как лезвие, мужчине. Но теперь он отчетливо видел, какая тяжелая ноша лежит на плечах этого героя, заставляя его идти на такие жертвы.

<http://bllate.org/book/19064/1872076>